

Моя прекрасная жизнь во Франции. В поисках деревенской идиллии

Автор:

[Жанин Марш](#)

Моя прекрасная жизнь во Франции. В поисках деревенской идиллии

Жанин Марш

Travel Story. Книги для отдыха

Престижная карьера в Лондоне, любящий муж, друзья и уверенность в завтрашнем дне. У Жанин Марш было все, но поездка за вином во Францию изменила ее жизнь. Старый деревенский дом без удобств покорила ее сердце, и, бросив работу, она вместе с мужем переехала в район Семи долин. Ей предстоял ремонт полуразрушенного дома, приобщение к местным традициям и знакомство с жителями деревни, уход за домашними животными и большим участком земли. Несмотря на все трудности, забавные и неловкие случаи, Жанин обрела невероятный опыт, незабываемые эмоции, новых друзей и место, которое можно называть настоящим домом.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Жанин Марш

Моя прекрасная жизнь во Франции. В поисках деревенской идиллии

Janine Marsh

My good life in France. In Pursuit of the Rural Dream by Janine Marsh

© Janine Marsh, 2017

© First published in Great Britain in 2017 by Michael O'Mara Books Limited

© Тортунова Е.С, перевод с английского, 2021

© Снегова В.Е., литературная редакция, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вступление

На протяжении долгих лет я встречалась для интервью со многими экспатами, живущими во Франции, и всех их можно было отнести к одной из трех категорий.

Группа 1 – пенсионеры.

Экспаты на пенсии едут во Францию за хорошей жизнью – вино, еда, погода, медицина, качество жизни. Некоторым из них переезд дается легко, некоторым не очень. В основном они счастливые ребята, которые берут максимум от новой жизни, даже если следят за бюджетом.

Группа 2 – беглецы.

Те, кто убегает от чего-то из дома, например, от разрушенного брака, или бизнеса, или от потери работы. Поездка во Францию может быть давней мечтой – или нет. В этой группе также оказываются те, кто ищет приключений за морем. На мой взгляд, для этой группы побег оказывается не самым удачным решением. Нужно правильное отношение, а некоторые из них так и не находят жизни, которую ищут, и иногда они даже возвращаются обратно. Остальные остаются, очарованные страной.

Группа 3 – меняющие стиль жизни.

Члены этой группы принимают решение о переезде во Францию часто потому, что они очень полюбили какое-то место – деревню, куда они поехали на отдых, дом, который стал для них родным, или просто качество жизни – или все это, вместе взятое.

В этой группе экспатов мои любимчики – те, кто влюбляется в полуразваленное здание, которое любой другой человек и трогать побоится. В голове этих мечтателей дом – это их личное шато [1 - Шато – загородный дом аристократии во Франции.], даже если это на самом деле ферма. Для них такой дом воплощает уют, и они знают, что будут ценить его всегда.

Они покупают старые дома, которые французы покупать не хотят, – ведь чтобы их восстановить, провести воду и электричество, потребуется целое состояние. Такие мечтатели ищут дома с несколькими акрами земли – выглядит очень живописно и рождает ощущение свободы и удаленности от безумной толпы.

Они бросают работу, дом, семью, друзей – и бегут за хорошей жизнью во Францию, надеясь, что им повезет. Упаковывают все имущество в грузовик, микроавтобус или машину, запихивают шокированных животных и иногда детей между чемоданами и кухонными принадлежностями и отправляются в розовый закат, радостно прощаясь с прошлой жизнью, погрузившись в мечты о новой жизни во Франции.

Они еще не вышли на пенсию, так что им надо найти новый источник дохода, и часто им приходится переключаться со старого карьерного пути на новые способы использования навыков для заработка денег – а это требует

воображения.

Тот факт, что в их будущем доме не будет воды, электричества и ванной, не шокирует их – они планируют жизнь так, чтобы справляться со всеми проблемами. Нет крыши? Не проблема! Раньше они, может, и не работали руками, но они покупают книги и роются в интернете, чтобы узнать, как перекрыть крышу, установить окна, построить стены, оштукатурить комнату и положить пол...

В какой-то неизбежный момент они поймут, что дом, в который они влюбились, – это лачуга, денежная яма, вечно пустой желудок. Их бюджет давно закончился. Чтобы завершить ремонт дома, они должны удвоить смету. Бюрократический кошмар получения вида на жительство пожирает их душу.

Акры земли, казавшиеся символом свободы, стали каторгой, требующей постоянных вложений, – надо косить траву, обрезать деревья, латать изгородь.

Отношения становятся напряженными – они винят друг друга в решении бросить ту работу, которая теперь кажется лучшей в мире, цивилизацию и комфорт.

Но в конце концов, благодаря целеустремленности и удаче дом медленно просыпается, как феникс, рождающийся из пламени, и здесь снова царит счастье.

Самые успешные экспаты, которых я видела, обладают схожими чертами – они очень целеустремленные, работающие, прагматичные, веселые, гибкие и в итоге учатся принимать тот факт, что иногда события идут не по намеченному плану. Они открывают хостелы и ресторанчики, пишут книги, становятся строителями, преподают английский, учатся чему-то новому, часто в креативной сфере. Они работают очень много и зарабатывают куда меньше, чем раньше, но они счастливы.

Вполне вероятно, что такие ребята немного сумасшедшие.

Я одна из них, и вот моя история о том, как я стала успешной французской экспаткой.

Глава 1. Сырым, холодным днем

Сырым, холодным и мрачным днем в феврале десять лет назад я одним днем поехала во Францию. Эта поездка изменила мою жизнь.

Я взяла отгул на работе в лондонском банке и поехала в Кале, в Северной Франции, купить вина с моим отцом Фрэнком и мужем Марком. Мы жили в юго-восточном Лондоне близко к отцу, так что попасть во Францию было легко. Мы могли выбрать между кораблем и поездом всего в часе езды от дома. Первая поездка в Кале оказалась такой легкой, что мы стали ездить туда регулярно. Мы покупали вино в одном из винных супермаркетов, обедали в дружелюбном городе, бродили по магазинам, пробовали местные сыры, которые как будто обжигали язык, и покупали вкуснейшие пироги, которых просто не бывает нигде, кроме Франции. Затем мы садились на корабль или поезд и отправлялись обратно домой. В начале двухтысячных «алкокруизы», как их тогда называли, были очень популярны среди британцев, желавших погрузиться во все французские жидкости. Это было перед экономическим спадом, и паромы, сновавшие по Ла-Маншу, были полны людей, которые хвастались, что купят бутылку вина по цене яйца.

В тот февральский день было холодно. Шел мокрый снег, небо было отвратительно серого цвета, как будто кто-то раскрасил его грифельным карандашом. Мы укутались в пальто, шапки и перчатки, на полную включили отопление в машине и задавали себе вопрос, не сошли ли мы с ума, если едем во Францию в такую погоду.

В Кале мы зашли в винный магазин Majestic. Я решила показать отцу достойные французские вина, надеясь, что он будет меньше пить крепкий алкоголь, на который стал недавно налегать. Он раздражал всех вокруг – и это было его любимым занятием. Отец мог попробовать вино и максимально громко заявить,

что оно мало чем отличается от ослиной мочи – впрочем, он никогда его не выплевывал. В итоге он приобрел бутылку крепкого мерло, и я не сомневаюсь в том, что персонал магазина всем коллективом выдохнул, когда мы вышли за дверь.

В этот печальный день, вместо того чтобы пообедать в Кале, как обычно, мидиями с картошкой фри (самым популярным блюдом Северной Франции), мы решили забраться поглубже. Мы выяснили, что в часе езды от Кале есть приятный типично французский ресторан, где мы сможем насладиться вкуснейшим обедом и потом вовремя сесть на паром обратно в Дувр. От мысли об уютном кафе с дружелюбными официантами и шеф-поваром, который мог бы получить звезду Мишлен, но был заинтересован только в качественной готовке для местных, мы обливались слюной.

Копаясь в картах Франции, я случайным образом выбрала городок под названием Эден. Он был как будто подходящего размера: на карте несколько оранжевых прямоугольников показывали, что там было достаточно зданий, и я была уверена, что в одном из них уж точно есть место, где мы могли бы пристойно поесть. В конце концов, это Франция – страна высокой кухни.

Мы приехали в Эден как раз в тот момент, когда все рестораны города закрылись перед носом страждущих. Было два часа дня.

– Проклятье, – с отвращением сказал мой отец. – Кто ж захочет жить во Франции!

Мы бесцельно брели по главной улице города, поглубже спрятавшись в воротники пальто, защищаясь от кусачего ветра. Нам было совершенно все равно, что дома в городе были очень красивыми, что в них находились интересные маленькие магазинчики, что городская ратуша была построена во времена Карла V, императора Священной Римской империи и правителя этой части страны в XVI веке. Мы не видели ничего, кроме закрытых окон булочных и знаков «закрыто» на каждом ресторане.

Вскоре нам стало очевидно, что для голодных туристов в зимний день не был открыт ни один ресторан. Измотанные, мы направились на вымощенную булыжником центральную площадь, где припарковали машину. По дороге Марк остановился посмотреть в витрину агентства по недвижимости – он тогда

работал в ипотечной индустрии и поэтому, куда бы он ни поехал, всегда смотрел цены на недвижимость. Мы с отцом нехотя притормозили. Пока мы стояли там, удрученно уткнувшись в крохотные фотографии домов за окном, по которому вниз сползали потоки мокрого снега, агент открыл дверь.

Он посмотрел на нас и сказал на английском (и как только догадался?):

– Хотите чашечку кофе? Вы, кажется, замерзли.

Папа зашел в помещение так быстро, что я и не заметила движения. Он устроился в теплом офисе и прихлебывал кофе, который ему с удовольствием предложил француз.

– Настоящий истинный кофе – французский кофе, – объявил он. Кофе был похож на машинное масло – крепкий, густой и почти черный.

Раз уж мы зашли, агент, будучи хитрым представителем профессии, попытался продать нам дом. Шанс на это у него был равен шансу встретить единорога на пароме по пути домой. Единорога, на котором было написано: «Запрыгивай, я отвезу тебя обратно в Англию очень быстро, тебе не придется слушать, как два мужика ноют о том, как им холодно и как им не нравится этот день». Но я уже была тут. Агент по недвижимости смотрел прямо на меня.

– Сколько у вас денег?

– Нисколько, – ответила я. – У меня вообще нет денег.

– Если бы у вас были деньги на дом, сколько бы их было?

Так мы общались несколько минут, потихоньку отогреваясь, и в итоге француз сказал нам, что мы попали в местность невероятной красоты под названием «Семь долин». Историческое место. Дружелюбное и здесь есть что посмотреть.

– Здесь все закрыто, – буркнул отец.

Агент продолжал болтать о преимуществах жизни во Франции, о том, что наличие дачи может изменить жизнь семьи, что вот это конкретное место –

истинная жемчужина, что дома стоят очень дешево, так дешево, что нас это удивит и что у нас на самом-то деле есть деньги.

В конце концов, я в шутку сказала, что если бы у меня были деньги, то их было бы меньше ста тысяч евро.

Агент аж поперхнулся и стал листать папку, лежавшую на столе. Марк и папа посмотрели на меня так, словно они увидели того единорога, который недавно мне привиделся.

Агент по недвижимости передал мне три листочка и сказал:

– Вот, три дома по цене меньше ста тысяч.

Нас отпустили – очевидно, что британцам две чашки кофе не положены. Он хотел, чтобы мы ушли. На дворе стоял 2004 год, и все, кто приезжал из Великобритании, считались богачами и наверняка могли купить отстойные, старые французские дома за бешеные деньги.

Сели мы обратно в машину и стали спорить о том, что делать дальше. На многие мили вокруг не было ничего, кроме Эдена.

– С таким же успехом можно и на дома посмотреть, они не так уж далеко, – сказала я. Нам же надо было чем-то заняться. У моих любимых мужчин лица от злости побелели.

Марк изогнул бровь и посмотрел на меня тяжелым взглядом – и он выражал вовсе не «все, что ты хочешь, милая жена».

– Ну просто так, – добавила я. – Может, мы найдем открытый бар рядом с одним из них или по дороге увидим что-нибудь. Либо так, либо обратно в Кале.

«Открытый бар». Магические слова для двух замерзших мужчин. Мы отправились в путь вовсе не с серьезными намерениями – мы хотели просто найти открытое кафе где-нибудь в этой глубинке.

Следующие 30 минут мы ехали по крохотным деревенькам мимо сотен грязных полей с несчастными мокрыми коровами. Мы заметили пару церковных шпилей где-то на горизонте, но совершенно никаких признаков жизни или магазинов. В итоге мы приехали к одному из домов в списке.

Он находился в деревне, в которой была всего лишь одна улица, вдоль которой росли высокие деревья. Улица была такой узкой, что разъехаться на ней могли только две машины. Вдоль дороги бежал небольшой ручей, поэтому к каждому дому был подведен мостик – они казались такими хрупкими, что вряд ли бы выдержали мужчину, не говоря уж о машине. К дому, на который мы приехали смотреть, тоже вел такой мостик. Здесь, очевидно, не было ни кафе, ни бара, так что я предложила осмотреть дом. Я тут же услышала многочисленные стоны – сам воздух в машине был наполнен страданием так же, как воздух снаружи – дождем.

Дом оказался длинной, низкой фермой с белыми стенами, синими окошками и красной черепичной крышей. Типично для этой местности – по дороге мы проезжали множество похожих строений. Дом был, очевидно, пуст, и давно. Сад, полный мусора, зарос сорняками, а на тропинке, ведущей к дому, виднелись следы пожара. Если бы на дворе был Хеллоуин, я бы ушла – дом выглядел настолько пугающе. На окнах не было жалюзи, как в остальных домах в деревне, так что можно было подсмотреть, в каком состоянии была гостиная. Все поверхности были покрыты линолеумом, популярным в 1960-х. Кто-то как будто представил, как могла бы выглядеть психоделическая картина – а потом попробовал ее изобразить. Оранжевые, коричневые, желтые завихрения и круги схлестнулись в битве за самый безумный узор. Тот, кто это придумал, был, вероятно, не в своем уме.

Казалось, что человек, который украшал комнату, тоже был нездоров. Линолеум лежал на полу, на стенах, на двери и на потолке. Сложно было сделать комнату более тошнотворной. Мне подумалось, что это могло быть убежищем серийного убийцы. По крайней мере, в фильмах ужасов по телевизору были похожие.

К этому моменту ко мне уже присоединился Марк – отец отказался выходить из машины и тоже смотрел в грязные окна.

– Кто бы мог подумать, что внутри он может выглядеть еще хуже, чем снаружи. Хочешь его купить? – спросил он, хохоча, пока мы возвращались к машине.

Примерно милю мы проехали до следующего дома. И снова это была деревня без кафе, бара, магазинов и признаков жизни. Жалюзи закрыли дом от ледяного зимнего дня, клубы дыма поднимались из нескольких труб, и их тут же сносило ветром. Казалось, что это город привидений, и к тому же, хотя был только день, начинало темнеть.

- Вот и он, - сказала я Марку, наконец заметив номер дома.

Он остановил машину на обочине около довольно симпатичного дома - похожего на предыдущий, но без мусора, сорняков и мостика. Я не выходила из машины - смотреть под ледяным дождем на дома, которые ты не хочешь покупать, - такое себе развлечение.

Недалеко раздался собачий лай, и дверь ближайшего дома открылась. На крыльце появился худой лысый мужчина, одетый в зеленый свитер слегка военного вида. Он стоял не двигаясь и смотрел в нашу сторону. Взгляд его был недружелюбным. Затем на улицу вышли короткостриженная женщина и два ребенка. Все они, не двигаясь, наблюдали за нами.

- Просто продолжай ехать, - зашипела я на Марку. - Это как в «У холмов есть глаза» [2 - «У холмов есть глаза» (The Hills Have Eyes, реж. А. Ажа, 2006) - американский фильм ужасов.]. Они к этому готовились! - И мы поехали дальше.

Мы не собирались смотреть на последний дом, но он был по дороге к нашему парому.

Надо было проехать несколько миль по пустынным деревням, а затем свернуть к крутому холму, окруженному лесами и небольшими горами. Мы были в самом сердце Семи долин, и снова тут не было ни кафе, ни магазинов, ни людей. За час поездки мы не увидели ни одного места, где можно было бы поесть или выпить. Когда я это вспоминаю, все время задаюсь вопросом, что же заставило меня сделать то, что я сделала потом.

В этом городе тоже было несколько домов, похожих на фермы, большая церковь и крошечная ратуша, около которой на пустой парковке стояла елка, с которой печально свисали рождественские украшения. Последним домом в нашем импровизированном расписании просмотров оказался long?re - деревенский домик (перевод я нашла в словаре, который взяла с собой). Он стоял на

перекрестке, чуть в стороне, на небольшом холмике.

Мы проехали по чему-то вроде грязевого потока, так как на дорогу это едва ли было похоже, и остановились у сломанных ворот. Место было абсолютно непривлекательным и излучало мистическую атмосферу. Мы видели лишь часть дома из-за уродливой бетонной стены, которая закрывала сад, а то, что мы все-таки увидели, не смогло выманить нас из машины. Но я все же колебалась, и этого было достаточно, чтобы взбесить отца.

– А мы не можем просто вернуться в Кале и поехать домой? Мне холодно, скучно, и я голоден.

Он был прав – мы просто тратили время. В Кале или в порту мы могли по крайней мере купить чашечку горячего кофе, а куча ресторанов были открыты весь день из-за туристов.

Марк повернул ключ зажигания и был готов уезжать, и в этот момент дверь дома открылась, на улицу вышел мужчина и помахал нам.

– Подождите минуту, – сказала я. – Я просто скажу ему, что нам ничего не нужно, и тогда мы поедем обратно.

Я немного говорила по-французски и была уверена, что смогу объяснить, что мы не просто шастаем по деревням, чтобы ограбить какой-нибудь дом, – это на случай, если мужчина не понял, почему мы сидим в салоне авто и всматриваемся в окна. Я вышла из машины и подошла к воротам. Дорога была грязной, и вода неслась по ней к подножию холма. Каблуки вязли в грязи, которая была везде по дороге к воротам. Я услышала, как за мной открылась дверь машины: отец решил выйти покурить. Мужчина уже подошел к воротам и протянул мне руку.

– Вам помочь? – сказал он с английским акцентом. Здесь, во французской глуши.

И именно в этот момент прекратился дождь. Луч закатного солнца прорвался через тяжелые облака, и мне показалось, что я купаюсь в сияющем океане. У подножия грязного холма в чьем-то саду закричали утки, и эхо их веселого кряканья разнеслось по долине как смех. Где-то недалеко я услышала нежное блеяние овцы – оно звучало как приветствие. Ритмичный, мелодичный и успокаивающий звук церковных колоколов поплыл в воздухе.

Казалось, что это была судьба.

– Здравствуйте, – сказала я. – Агент из Эдена рассказал нам об этом доме, и мы подумали, что его можно посмотреть.

– Обалдеть, мы только вчера его выставили на продажу, – выпалил мужчина. – Мы пока не готовились к просмотрам. На самом деле тут живет моя дочь, и она пока не убиралась, и я вот как раз подошел, чтобы убедиться, что ветер не снес двери.

Я услышала, как отец хлюпает носом у меня за спиной.

– Может, хотите чаю? – спросил мужчина.

– Да, спасибо, – ответила я, опасаясь поворачиваться к своим пассажирам. – Было бы очень здорово.

Я и сейчас не знаю, почему я приняла приглашение, просто мне показалось это правильным, несмотря на ледяные взгляды, которыми наградили меня Марк и папа.

Глава 2. *C'est la vie* [3 - *C'est la vie* (здесь и далее – перевод с французского, если не указано другое) – такова жизнь или это жизнь.]

Я из Лондона, и я кокни – это означает, что я родилась в пределах слышимости колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу в Центральном Лондоне. Мне нравится думать, что мое путешествие во Францию было предначертано судьбой, что оно началось в тот день, когда я родилась. Во-первых, Сент-Мэри-ле-Боу связана с Францией, так как земля, на которой стоит церковь, была получена епископом от Вильгельма I Завоевателя в благодарность за поддержку его вторжения

в Англию в 1066 году. И мы все знаем, чем это закончилось [4 - Вильгельм I, герцог Нормандии, стал королем Англии.].

Во-вторых, меня зовут французским именем. Меня должны были назвать Этель, но вмешалась судьба.

Моя мама уже решила, что, если родится девочка, она назовет ее в честь любимой тети, которая жила недалеко от дома моих родителей в Бермондси, на юго-востоке Лондона, в 1960-х, когда они только поженились. Когда я родилась, УЗИ делали не так часто, так что рождение ребенка было похоже на вечеринку с сюрпризом – никто не знал, кто родится.

В день моего рождения акушерка приехала к маме на велосипеде и решила, что она должна поехать в больницу, а не остаться дома, как планировалось изначально. Моя мама была довольно миниатюрной, и сестра Кэссиди, акушерка, принимавшая всех детей в районе, волновалась насчет домашних родов у такой худенькой женщины. Маму перевезли в больницу в районе церкви Сент-Мэри-ле-Боу. Отец нисколько не переживал и не волновался, поэтому решил провести день, делая ставки на ипподроме.

В те дни мужчины не хотели принимать участие в ежедневной рутине брачных отношений, и папа не понимал, зачем брать на себя ответственность и помогать. Так что, пока моя мама потела и кричала в роддоме, отец потел и кричал на ипподроме в Брайтоне. Оба достигли прекрасного результата.

Мама родила меня.

Папа выиграл пятьдесят фунтов, поставив на французскую лошадь по кличке Жанин.

Прибыв в больницу с букетом и коробкой турецких сладостей, чтобы, по его словам, мама «поскорее восстановилась», он взглянул на меня один раз и тут же объявил, что я выгляжу как жирное уродливое дитя любви Уинстона Черчилля и мистера Мишлена [5 - Мистер Мишлен, или Человек-Мишлен, является официальным маскотом шинной компании Michelin. Это талисман в виде фигуры, напоминающей человека, состоящий из уложенных друг на друга белых шин.]. Он, впрочем, немедленно заработал мою вечную благодарность тем, что настоял, чтобы меня назвали не Этель, а Жанин – в честь выигравшей лошади

(что для отца было редкостью). Он объяснял это тем, что так мне выпадет счастливый шанс – слово «шанс» происходит от французского *une chance*, что означает «удача».

Папа был кем-то вроде доктора Джекила и мистера Хайда [6 - «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – повесть шотландского писателя Роберта Стивенсона о викторианском ученом, поставившем над собой опасный эксперимент и тем самым выпустившем на волю из глубин подсознания свое темное «я» – зловещего негодяя и убийцу мистера Хайда.]: то душа вечеринки, то нудный старик. Он слушал то Дюка Эллингтона [7 - Один из наиболее известных джазовых музыкантов XX века.], то Sex Pistols. Он пил лучшие вина и самый дешевый виски, великолепно играл в бридж и мог обыграть кого угодно – некоторые игроки предлагали ему деньги, чтобы он играл с ними в паре на соревнованиях. Папа мог производить в голове очень сложные вычисления с точностью калькулятора. Он был очень умный, мог впадать в глубокую печаль, а если вы переходили ему дорогу, то невозможно было получить его прощение.

Мама умерла за несколько лет до той судьбоносной поездки во Францию. Ее смерть разбила сердце отцу и оставила зияющую дыру в наших. В основном он держался благодаря азарту – папа никогда не мог удержаться от пари. Я помню, что, когда была ребенком, он спорил со мной, что засунет в рот больше шоколада, чем я, или играл со мной в карты на мои карманные деньги. Во время шоколадного соревнования мы сидели за столом, мама неодобрительно качала головой и пыталась не улыбаться. Сначала шоколадку брал папа, потом я. Было похоже на сцену из вестерна: сощуренные глаза, шумное дыхание через нос и рты, набитые сладким шоколадом.

Я всегда проигрывала.

Папа называл это «жизненным уроком». Он каждый день изучал гоночные списки – начиная с девяти лет и до дня своей смерти. Он был практически зависим от ставок на лошадей, собак и, в общем, на кого угодно. Его предки были выходцами из Италии, и сам он был худой, щеголеватый мужчина, всегда безупречно одетый и слегка похожий на Аль Пачино.

Чудовищно расстроенный потерей матери, он стал пить немного больше виски, чем ему следовало. Увещевания не работали – он всегда был бунтарем и никогда не делал того, что был должен или того, что вы от него ожидали. Чтобы добиться своего, надо было обмануть его при помощи смекалки.

Мама спорила с ним по поводу моего имени – Жанин вместо Этель, но он был непоколебим в своем решении. Так как она была уставшей после родов, то просто сдалась. Не поймите меня неправильно, ничего плохого в имени Этель нет, но оно просто не мое.

Самые мои ранние воспоминания – о том, как мне сказали, что у меня французское имя. Я была поражена фактом, что я как будто чем-то отличаюсь, как будто в соревновании имен я была уже на шаг впереди. Большинство девочек в моей школе называли в честь их теть, поэтому имена Бренда и Бетти были довольно популярными. Много лет я не видела ни одну женщину по имени Жанин.

К сожалению, если твое имя какое-то другое, это не вызывает восторга у окружающих детей. «Жанин пасет скотин» – это был максимум, на который они оказались способны, но это было все равно куда лучше, чем то, что произошло с мальчиком по имени Карл. Позже, когда все поняли, что я медленно расту и всегда буду маленького роста, меня прозвали Грибом.

Когда я была маленькая, мы редко уезжали куда-то на каникулы, так как у нас не было лишних денег. Если мы и уезжали куда-то, то в кемпинг на английское побережье. Я помню, как дождь стучал по люку в крыше, как очень плохая группа пыталась играть Донни Озмонда и Майкла Джексона и пляж, на котором песок смешивался с илом, и поэтому казалось, что тебя засасывает в... Ну, в общем, понятно. Жить было сложно, мы были бедны. Так что вы можете спросить, как же я оказалась во французской деревне?

Ну, на это ушло несколько лет и много работы, но само путешествие началось тем сырым, холодным и мрачным днем.

Глава 3. Un coup de foudre [8 - Un coup de foudre – удар молнии, или любовь с первого взгляда.]

– Заходите, насчет грязи не переживайте, – сказал мужчина, зазывая нас в дом.

Мне казалось, что я вхожу в Нарнию, так как нам пришлось пройти через небольшую деревянную коробку, похожую на платяной шкаф, выстроенную на входе в дом. Нельзя сказать, что она не была похожа на гроб из фильма ужасов. С потолка свисала паутина, со стен – обои из пятидесятых. Это была довольно низкопробная самоделка. Подумала ли я что-то плохое? Да. Ты мог войти в дом, только когда человек перед тобой уже протиснулся через эту коробку-крыльцо в крохотную дверь и потом в гостиную.

К моему огромному удивлению, когда мы все пробрались внутрь, отец широко улыбался. Я поймала его взгляд и поняла, что узнаю это выражение лица. Папа считал, что это очень веселая ситуация. Он раньше был строителем и собирался разнести это место до фундамента. Марк был сбит с толку. Он любит, чтобы все было чисто и аккуратно. Когда-то он был полицейским (у него было много работ) – тяготел к порядку, поэтому сейчас был явно перегружен разноцветностью и захламленностью этой комнаты.

В гостиной лежал липкий ковер с отвратительным черно-оранжевым узором, вызывавший тошнотные ощущения и довольно сильно похожий на тот линолеум, что мы видели в предыдущем доме. Наша обувь хлюпала, потому что пол был очень влажным. Стены были выстроены из серых бетонных блоков с маленькими дырочками из известняка и из ДСП, в которых отлично себя чувствовали жучки. Тусклая лампа в углу унылой и мрачной гостиной подсвечивала клубы нашего дыхания – так тут было холодно.

Из гостиной вели три двери. Одна была явно для хоббитов, стеклянная, наверху полуметровой лестницы. Две других двери были деревянными, с матовыми стеклянными панелями янтарного цвета, которые добавляли комнате странный рыжий оттенок. Рядом с одной из дверей была лестница. К стене прислонился старый сервант из темного дерева, и даже в таком тусклом свете было видно, что он весь изъеден червями, а каждый дюйм этого серванта был заполнен чашечками и фарфоровыми фигурками. В центре гостиной и одновременно столовой находились маленький квадратный черный деревянный стол и четыре стула.

– Я заварю чай, – сказал мужчина. – Может, хотите сначала осмотреться?

Я знала, что должна была сказать. «Нет, спасибо, этот дом как будто нарушает закон о торговле, притворяясь местом, где люди могут жить. Я не уверена, что пущу сюда козла, не говоря уж о человеке».

Но в итоге я, удивляясь самой себе, сказала вот что:

– Да, благодарю, это было бы мило. Меня зовут Жанин, это мой отец Фрэнк и мой муж Марк.

Марк смотрел на меня так, словно не понимал, кто стоит перед ним. Наш дом в Лондоне был чистым, аккуратным, теплым и уютным. Мы были городскими жителями, и в нашей жизни не было грязи. Как-то раз мы поехали на выходные в Корнуолл, в отель на ферме, и вернулись раньше, потому что нам не понравился деревенский запах. Мы проснулись на второе утро, и я спросила: «Чувствуешь запах коров?» И Марк с облегчением ответил: «Я думал, что это я, не в смысле коровами пахну, но ты меня, наверное, поняла». Так что мы вернулись к цивилизованной городской жизни, зная, что деревня не для нас.

Мужчина представился Уильямом и объяснил, что он следил за домом по просьбе дочери, которая служила во флоте. Она обручилась с французом из этих краев и купила дом, чтобы жить поближе к нему, но так как он переезжает на юг по работе, она решила его продать.

– Давайте начнем со второго этажа. Осторожно, ступени узкие.

Узкие? Лестница вообще не была предназначена для людей. Может, для пикси или эльфов. Марк, рост которого больше 185 сантиметров, был вынужден согнуться и практически встать на четвереньки. Ступеньки были высокими и шириной не больше буфетного ящичка. Лестница изгибалась и приводила к люку на второй этаж. Я поднялась туда первой, и, хоть мой рост около полутора метров, даже мне пришлось пригнуться. Я смотрела, как Марк вылезает из люка – он выглядел как гигантский злой кролик, выглядывающий из норы.

Отец весело поднялся по ступеням, за ним пришел Уильям, и мы вчетвером стояли на листе фанеры, брошенном на перекрытия. Стены были выстроены из бетонных блоков, и второй этаж был похож на строительную площадку, которую забросили много лет назад. Тут была всего одна комната, занимавшая весь длинный и узкий второй этаж. Было темно, одинокая лампочка отбрасывала

желтый свет на грязные полы. Везде свисала паутина, прилипала к одежде и к голове Марка – он был самым высоким и принял на себя основной удар. Тут пахло кошачьей мочой и чем-то, что я не смогла определить. Ветер свистел в дыре на крыше.

В углу у лестницы находилась большая деревянная коробка. Она выглядела как то крыльцо внизу, но с дверью-купе. Это была работа того же самого строителя.

– Это ванная, – сообщил Уильям, показывая на коробку.

Пол пружинил под ногами, когда мы шли к так называемой ванной, то есть к деревянному ящику с ярко-бирюзовой раковиной, которая гармонировала с лимонного цвета душевой кабиной. Одинокая наклейка «Спасите природу» висела на обшарпанной, видевшей лучшие дни стенке душа. Стены из ДСП были украшены гвоздями, которые служили вешалками для полотенец. Голая лампочка с торчащими проводами свисала с потолка.

– Довольно опасно.

Наконец-то кто-то нарушил тишину. Было сложно понять, что сказать, чтобы не обидеть хозяина, но мой отец об этом не переживал.

– Эта лампочка... – продолжал он, – ...если на нее попадет вода, то... БАМ! – закричал он, заставив всех подпрыгнуть, отчего пол сразу же прогнулся. Мне показалось, что мы стоим на трамплине и можем провалиться на первый этаж в любой момент.

– Что ж, – рассудительно заметил Уильям, – в этом доме никто и не принимает душ. Слишком холодно.

Я не могла смотреть на отца.

Мы осторожно спустились по лестнице, прошли по гостиной и зашли в еще одну маленькую бетонную комнатку. Там находилась ржавая стиральная машинка и несколько железных стеллажей розового цвета, где нашли последний приют несколько огромных пауков. Уильям пнул скелет давно умершей птицы и сообщил, что это была кладовка.

Над моей головой в комнату заглядывала открытая труба, на конце которой болталась старая плетеная корзина – все для того, чтобы крысы не попали внутрь, объяснил Уильям таким тоном, словно это самая нормальная на свете вещь. Запах гнили был просто невыносим. В остальном доме он был просто неприятным, но тут было уже слишком. Пол был покрыт жидкостью, сочившейся из стен. Это, конечно, была самая худшая комната в доме.

– Спальня! – объявил Уильям, проведя нас через дверной проем, в котором Марку опять пришлось пригнуться. В этот момент даже Уильяму было тяжело найти что-то позитивное.

Кажется, интерьер этой комнаты был вдохновлен французскими шале, и почти вся комната сверху донизу была обита оранжевой вагонкой. Там было темно, мрачно, грязно и влажно. Слово «отвратительный» было придумано словно для этого дома.

Впрочем, была тут и искра надежды. Одна стена была сделана из кремня. Посреди всей этой грязи она смотрелась очень красиво.

– Это вы построили? – спросила я.

– Нет, – ответил Уильям. – Некоторым частям дома сотни лет. Вот тут жили люди, а их животные жили в соседней комнате.

А, так вот что это был за запах. Сырой шерсти.

Кремниевая стена была построена на двух деревянных опорных балках, и в ней были два окна, которые смотрели на маленький дворик. Я увидела, что уже темнеет, а дождь так и не прекратился. Я знала, что нам уже пора возвращаться в Кале, чтобы попасть домой.

Мы быстро прошли по остальным комнатам, и каждая из них была ужасной. Ни одна не была пригодна для обитания, по крайней мере, по нашим стандартам, а назвать хотя бы одну из них привлекательной было абсолютно невозможно.

– Нам пора, – сказал Марк. – Надо вернуться в Кале, чтобы успеть на паром.

В его голосе я услышала отчаяние.

- Да, - поддержал его отец. - И я хочу покурить.

- Осталась всего одна комната, - сказал Уильям. - Кухня следующая, и там я сделаю чай.

Комната была длинной и желтой. В ней стояла старая угольная печка, которая пыталась, довольно безуспешно, добавить дому тепла. Там была раковина со сколами, самая дешевая в мире кухня, грязный пол и дверь, ведущая неизвестно куда. Была хоббитская дверь, которая соединяла комнату с гостиной. Помимо этого всего в комнате было гигантское видовое окно, которое смотрело в сад, занимая половину стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шато - загородный дом аристократии во Франции.

2

«У холмов есть глаза» (The Hills Have Eyes, реж. А. Ажа, 2006) – американский фильм ужасов.

3

C'est la vie (здесь и далее – перевод с французского, если не указано другое) – такова жизнь или это жизнь.

4

Вильгельм I, герцог Нормандии, стал королем Англии.

5

Мистер Мишлен, или Человек-Мишлен, является официальным маскотом шинной компании Michelin. Это талисман в виде фигуры, напоминающей человека, состоящий из уложенных друг на друга белых шин.

6

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – повесть шотландского писателя Роберта Стивенсона о викторианском ученом, поставившем над собой опасный эксперимент и тем самым выпустившем на волю из глубин подсознания свое темное «я» – зловещего негодяя и убийцу мистера Хайда.

7

Один из наиболее известных джазовых музыкантов XX века.

8

Un coup de foudre – удар молнии, или любовь с первого взгляда.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marsh_zhanin/moya-prekrasnaya-zhizn-vo-francii-v-poiskah-derevenskoy-idillii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)